

Планета НАВОИ

Раф Гази

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Раф Гази

**Планета Навои.
Сборник рассказов**

«Автор»

2018

Гази Р.

Планета Навои. Сборник рассказов / Р. Гази — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-10548-5

Кто хоть раз побывал на этой чудной планете, никогда ее не забудет. Рукотворный оазис, возникший как мираж в пустыне, превратил сказку в быль. Люди, сотворившие и видевшие это чудо, считают себя сначала Навоийцами, а лишь потом представителями других народностей, населяющих Землю. «О, не отводи ты взгляда в сторону от Навои! Он влюблен в тебя навеки - я, плененный, говорю», - завещал поэт, чьим именем назван сей славный город. Сборник своих рассказов Рафаэль Миргазизов посвящает всем жившим, страдавшим и любившим на планете Навои. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-10548-5

© Гази Р., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Гитара Пирата	6
1	6
2	9
Сама	12
1	12
2	14
3	17
Честь Незнакомки	19
1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

*По Толстого улице жили все ребята:
Коста Аркин, Витька Жебу, Шмель возле «Фархада»,
Сеня Болос и Шалимов, и Андрей Фарносик.
Набежала вдруг слеза, юность не воротить.*

*Помнишь, Коста, на Днепре, строили канал мы,
Как везли на скрепере три куба в отвалы?
Был тогда еще Союз, нерушим и прочен,
А теперь РСФСР разодрали в клочья.*

*Помнишь, Жебу, как цвели той весной тюльпаны,
Как по парку мы брели в гости к милой Тане?
Как потом ты грустно пел о любви жестокой —
Сделал мертвую петлю летчик одинокий...*

*Помнишь, Шмель, как подарил я тебе гитару?
Правда, только лишь на день, чтоб было не повадно!
Но за ночь ты изучил три «блатных аккорда»,
Тут же шлягер сочинил в стиле боса-нова.*

*Помнишь, Сеня, восьмой класс, важное открытие?
Глазок в форточке потряс в женском общежитие.
Как шептал, глядя на баб в мыльной пене в душе:
«В платьях девки хороши, а без платьев лучше!»*

*По Толстого улице назначал свидание,
Под часами в скверике, в стыке Театральной.
Всех я помню, всех люблю, весь наш «Б» десятый.
Только нет той улицы, всё прошло, ребята.*

*По Толстого улице жили мы когда-то,
Вы простите, если я позабыл кого-то.
Всех я помню, всех люблю, весь наш «Б» десятый.
Только нет той улицы, всё прошло, ребята.*

Гитара Пирата

1

Черный асфальт, омытый весенним дождем, блестел весело и празднично, словно новый пиджак жениха перед свадьбой. По краям тротуаров цвели акации. Воздух, еще не знойный, свежий, был наполнен ароматом цветущей джиды и мечтами южного городка – "оазиса в пустыне", как о нем писали в "Индустриальном Навои" и других коммунистических газетах.

Рапай, легко шурша "греческими" сандалиями по умытому асфальту, спешил на встречу с Пиратом – грозой навоийских дворов. Теплый ветерок ласково трепал его непокорный с рыжеватым отливом вихорь. Парнишка быстро перебежал через Театральную улицу и углубился в тенистые аллеи городской танцплощадки, огороженной грязно-желтыми железными прутьями и поэтому прозванной в народе "клеткой". А отсюда было рукой подать до летнего кинотеатра "Темп". Оставалось лишь рысцой пронестись вдоль центрального стадиона "Согдиана", где Рапая неделю назад удалось взять автограф у знаменитых мастеров советского футбола Стрельцова и Хусаинова. Шел товарищеский матч между Сборной ветеранов Советского Союза и «Зарафшаном», местной командой второго дивизиона. Для маленького провинциального городишка это было ярким событием.

И вот за зелеными насаждениями показалась кровля вечернего кинотеатра. Сердце Рапая радостно забило! Гитара, у него будет настоящая гитара! Весь 8"Б" об этом мечтает, да что там класс, вся школа – ни у кого нет, а у него есть. Будет. Уже совсем скоро. Вот добежит до "Темпа", рассчитается с Пиратом...

Но Пирата возле фонтана, где должна была состояться встреча, не оказалось. Рапай для верности обошел вокруг небольшого бассейна с фонтаном, хотя и так было видно, что в этот полуденный час здесь ни души, – в летнем кинотеатре фильмы крутили под открытым небом с наступлением темноты.

Было безлюдно и тихо. Проскрипел не смазанными педалями подростковый велосипед «Орленок». На нем восседала девчушка в белой блузке с алым галстуком, она смешно, как кузнечик, высоко задирала голые худые коленки. Два совсем еще сопливых шкета понуро брели вдоль синего забора стадиона в сторону другого, уже большего, настоящего бассейна «Дельфин». Здесь прошлым летом тренировалась сборная СССР по плаванию. Кстати, младшая сестренка Сени, одноклассника Рапая, попала в школу Олимпийского резерва. А другой его одноклассник, Виктор Жебу, показал норматив первого взрослого разряда.

Рапай окунул руку в прохладу бурлящего фонтана, а потом засунул в него и свое разгоряченное от спешной ходьбы лицо. В этом крошечном, но довольно глубоком бассейне – метра полтора, Рапай, еще совсем мальцом, научился плавать. Рапай обтер руки о свои синие потертые шорты, нащупал в кармане деньги – все было на месте...

За гитару просили 7 рублей 50 копеек. Столько же она стоила и в магазине, но там не продавали – дефицит. А блатные продавали. Деньги на гитару Рапай копил около месяца. В будние дни родители оставляли ему по рублю на обед. В пролетарско-бандитском Навои было несколько рабочих точек общепита. Рапай облюбовал столовую вблизи автобусной остановки "Больничный городок", в трех минутах ходьбы от дома, от школы наискосок – в семи.

Здесь было сразу две столовые: одна – общая, другая – диетическая. Рапая больше нравилась диетическая – компактная, уютная, с небольшими очередями. Почему она называлась "диетической" было непонятно, возможно, из-за изумительных паровых котлет, которые не стыдно было предложить даже дряхлеющим секретарям ЦК КПСС. Да и другую еду тут гото-

вили вполне по-домашнему. Рапай не любил первые блюда, иногда капризничал и говорил матери: "Свари, как в столовой, тогда буду есть!"

Супы в «диетической», действительно, варили замечательные: и харчо, и солянку, и борщ. Перейдя на режим жесткой экономии, Рапай ограничил свое меню дешевым молочным супом, картофельным пюре без котлет, чаем без сахара, черным хлебом с бесплатной солью. Всё! Никаких салатов и десертов! Таким образом, обед обходился не в 70–80 копеек, как обычно, а в 30–40. Еще пришлось отказаться от эскимо – 11 копеек, и походов в кино – 20 копеек.

Зато желанная жар-птица приблизилась до расстояния вытянутой руки...

Занятый своими мыслями и чуток задремав под приятное журчание воды, Рапай не заметил, как со стороны улицы Театральной показались два знакомых силуэта. Потянуло запахом сладкой ваты – ею торговали частники из соседнего совхоза-миллионера у магазина «Березка». Знакомцы Рапая, подходя к кинотеатру, уже слопали это воздушное лакомство и теперь обсыпали сладкие палочки, оставшиеся от белой ваты.

Ну, наконец-то! Солнечные блики заиграли на коричневой деке гитары, своими изгибами напоминавшей изящный стан смуглой восточной красавицы. Рядом с Пиратом, небрежно державшим в руках заветную мечту Рапая, стоял неуклюжий, похожий на неповоротливого тюленя Михась. Именно он свел покупателя с продавцом.

На фоне огромного Михасы Пират в своей цветастой рубашке с морским узлом на пупе выглядел мелким, но хищным лисенком. Левую щеку его украшал едва заметный шрам. Поговаривали, что это следы дворовых разборок. Сам Пират подобных слухов не пресекал, – они придавали его и без того немалому авторитету дополнительный вес.

Михась, несмотря на свои внушительные габариты, был на год-два младше Пирата и жил с ним в одном доме по улице Театральной, за продуктовым магазином; он рассказывал Рапаю совсем другую историю. До обидного прозаическую и начисто лишенную блатного флёра. Еще в глубоком детстве Пират упал с верхней полки плацкартного вагона и поранил щеку о ребро откидного столика – мамка не досмотрела...

– Бабки принес? – вместо приветствия энергично спросил Михась.

Его внешность тоже была обманчивой. Этот грузный тяжеловес на футбольном поле пахал, как трактор С-80 в роли опорного защитника, и кому, как не Рапаю, его одноклубнику по юношеской команде "Зарафшан", было об этом не знать.

Рапай передал заранее приготовленные деньги не владельцу дефицитного товара, а посреднику, а тот уже – своему старшему товарищу.

Пират, не глядя забросил мятые рубли и мелочь в карман своих широченных клешей, и махнул Михасю рукой, дескать, пойдем.

– А гитара? – сердце Рапая ёкнуло, словно по нему ударила лопнувшая струна уплывающей красавицы-гитары.

Предмет его тайных вожделений мог отчалить навсегда. Пират вдруг резко развернулся:

– Чё, испугался? – на его наглой лисьей морде выступала довольная ухмылка, Михась услужливо подхихикнул. – Не очкуй, своих пацанов мы не обижаем, в натуре.

Блатные всегда, где надо и не надо, вворачивали в свой «базар» это непонятно откуда взявшее и неведомо что обозначавшее словечко «в натуре».

Пират ударил по струнам гитары, она фальшиво задрезжала.

– На! Пользуйся, – тоном благодетеля произнес Пират и смачно, по-жигански сплюнул в прозрачную воду фонтана, где Рапай только что охлаждал голову.

Принимая желанную покупку, покупатель продолжал смотреть на продавца растерянным взглядом. Пират истолковал его удивление по-своему:

– Гитара малость расстроилась, она не моя, в натуре, на ней давно не играли. Сам настрой?

– А то! – Рапай начал приходить в себя, чувствуя, как в нем пробуждается ершистый волчонок.

– Ну тады бывай!

Рапай поспешил восвояси, крепко, но нежно обнимая за выступающий изгиб тело только что купленной им смуглянки.

А Пират с Михасем остались возле фонтана – наверное, ждут клиента с «планом», подумал Рапай. Такой товар его не интересовал. Анашу, именуемую планом, в город доставляли из Старого города, а туда она поступала с каких-то тайных конопляных плантаций, то ли с Афгана, то ли с Ирана. Рапай еще долго слышал приклатненный, но чистый и звонкий голос Пирата:

О, Гарри, Гарри, Гарри, ты не наш!

А ты с другого, Гарри, океана.

"Сейчас я рассчитаюсь с тобой, о, с тобой",

– Раздался пьяный голос атамана.

Именно этой песенке о грозном морском атамане и его молодом сопернике Пират обязан был не только своей кличке, но и своему лидерству среди уличной шпаны.

Старшим сидельцам, уже успевшим "понюхать зону", понравилось незатейливое бряцание дворового гитариста, его приклатненный, по-юношески задорный голос.

И они взяли Пирата под свою опеку и защиту.

2

Шмель не отставал уже неделю:

– Дай поиграть хотя бы на пару дней.

Рапай отбрыкивался:

– Сам пока учусь, отстань.

Счастливый обладатель «Пиратской гитары» лукавил. А попросту говоря, врал. Его «учеба» длилась не более двух часов, после чего бесхозный инструмент тоскливо заскучал в темном углу спальни комнаты, рядом с письменным столом, где Рапай обычно готовил уроки. Забросив гитару, он вернулся к своему любимому Джек Лондону.

«Ни одна собака не могла бы сделать того, что сделал Белый Клык. Он – волк», – философия одинокого, но сильного хищника затрагивали какие-то тайные струны Рапаевой души.

Правда, сначала он добросовестно пытался настроить свою гитару. Как учили дворовые пацаны, первую открытую струну – по второй, зажатой на пятом ладу. Но как не крутил колки и не дергал струны, нужного унисона не получалось. Плохо давались и «блатные аккорды» – ни Ам, ни Дм, ни Е – ничего толком не зажималось, пальцы плохо слушались, красавица-гитара пищала и выла, а играть не хотела.

Дело в том, что у Рапая не было музыкального слуха. Абсолютно. Никакого. Мало того, что медведь на ухо наступил, так еще Топтыгин плотно забил ушную раковину еловыми шишками.

По пению в начальных классах больше тройки у него не выходило. При всем уважении и почтении добрейшего «Баяныча», высокого, полного, с внешностью запорожского атамана учителя музыки. «Баяныч» был не просто учителем пения, но еще и композитором. Именно он посвятил «оду» своему любимому городу: «В пустыне зноем опаленной»... возник мечтою окрыленный «город новый, город новый, город Навои!» И именно он позже стал директором самого красивого в пустынных Кызылкумах "очага культуры" – ДК «Фархад».

Но однажды «Баяныч» вынужден был-таки поставить Рапаю «пятерку». А куда деваться? Если мальчонка так азартно, с таким чувственным надрывом спел... Нет, не спел, так про исполнение маленького Рапая сказать нельзя, просто изобразил свою версию азербайджанской народной песенки «Жип-жип, жужаларим», да таким образом, что ошарашенный учитель вообще забыл не только об аккомпанементе на своем трофейном немецком баяне, но и вообще о существовании каких-то там нот...

А Шмель пристал, как навозный жук. Он тоже играл на баяне – окончил музшколу, и теперь хотел освоить гитару.

– Как ты будешь лабать, у тебя вон рука вся в гипсе?

Действительно, его левая рука, как раз та, которой берут аккорды, была плотно перебинтована от запястья до локтя.

– А я аккорды правой буду брать, левой – только бой.

– Ладно, черт с тобой, забирай, – сдался, наконец, Рапай. – Но только до утра.

Обрадованный Шмель потянулся здоровой рукой за инструментом.

– И еще одно условие, – Рапай не отпускал гриф своей красавицы, хотя она, как ему показалось, уже была не прочь отдаться в объятия нового воздыхателя.

– Слушаю, – напрягся и вытянул губы бантиком Шмель.

– Гитара малость расстроилась, я же днем и ночью на ней упражняюсь, – по обыкновению, соврал Рапай. – Ты ее настроишь.

... Честно говоря, Рапай давно арендовал бы своему другу гитару, но ему было неудобно, что она не строит. У Рапая был друг по имени Толян, он жил в соседнем доме и учился на два класса старше. Странной была эта дружба. Два года в юношеском возрасте – это все-таки

большая разница. Высокий парень шутливо уклонялся от почти настоящих ударов неказистого футболиста, а тот высоко подпрыгивал и яростно рычал: «Изведу, собаку!» Толян хохотал до слез и в изнеможении падал на траву.

Помимо бокса, Толян играл на гитаре. Правда, на семиструнной, на которой вместо нормальных аккордов нужно было зажимать всякие «звездочки» и «лесенки». И репертуар у него был другой, перенятый от отца фронтовика, до войны жившего где-то в средней полосе необъятной России. Толян пел не:

*Тополя, тополя – все в пуху,
Потерял я любовь, не найду...*

А:

*Зачем живут на свете все пережитки эти,
Все женщины обманищицы любви...*

Рапай хотел попросить Толяна настроить свою гитару. Но сомневался, сможет ли? Он знал, что строй у семиструнной другой.

Через год Толян попал служить на Черноморский флот, он приезжал в отпуск и щеголял по городу во флотском костюме с матросским воротником. Даже на танцы в «клетку» ходил, лихо задвинув на затылок свою фуражку-бескозырку. Старого друга уже не замечал.

А Шмель замечал, да еще как!.. Да и ладно, оно, может, и к лучшему. Пусть сам и настраивает гитару, у Шмеля талантов много.

Со Шмелем Рапай познакомился на уроке истории, кажется. Завуч привела какого-то дядьку в шортах с волосатыми ногами и объявила: «он будет учиться вместе с вами». Смеху было! Шестиклассник с волосатыми ногами встречается не часто.

Шмель не был второгодником, он был «осенником», старше других только на несколько месяцев. Просто его родители получили трехкомнатную квартиру в новом доме, по улице Толстого, напротив огромной скульптуры богатыря «Фархада» – символа ДК. На Театральной, Кольцевой, Толстого жило большинство учащихся средней образовательной школы N14 им. А. С. Пушкина. Вот и Шмеля, которого классная руководительница сразу посадила за одну парту с Рапаем, перевели в эту же школу.

Ребята быстро нашли общий язык. И спорт – новенький занимался баскетболом, и стихи. Шмель, как и Рапай, слагал вирши. Учительница литературы с чисто русской фамилией Дё даже рискнула послать их авторов на областную олимпиаду в Бухару. Но ничего путного из этого не вышло. Затея Анны Родионовны – да, литераторшу-корейнку звали так же, как няню Пушкина – чуть не вышла ей боком. Звонили рассерженные тетki из областного управления образования и возмущались, «каких хулиганов-стихоплетов вы к нам прислали, это же форменное безобразие!»

Спас рассудительный председатель конкурсной комиссии, мужик оказался с юмором, дескать, «проба пера», «орлята учатся летать» и всё в таком роде. Главное, нет никакой анти-советчины, только ребячья бравада. Скандал удалось замять. Помог, помимо прочего, видимо, и статус супруга Анны Родионовны Дё, он ни много, ни мало, а был городским судьей...

Шмель вернул гитару вовремя. И тут же продемонстрировал Рапаю свое умение. Он и на самом деле правой рукой брал аккорды, их аппликатура была уже другой, а левой, забинтованной отбивал ритм. За одну бессонную ночь Шмель не только выучился играть на гитаре, но еще успел родить собственное творение:

*Тихо ветер играет ковылью степной,
Облака большие и белые.
Я лежу в тишине, под могильной плитой,
И поют о чем-то волки серые.*

– Талант даже гипсом не убьешь! – искренне восхитился Рапай.

И потом, в разных компаниях, когда его друг брал в руки гитару, Рапай в красках описывал свое скромное участие в рождении нового барда с необычным именем Левша Гипс.

– Да если бы я тогда дал тебе гитару больше, чем на одну ночь, ты бы в жизни на ней не научился играть, – затыкал он рот пытавшему возбухать Шмелю.

Сама

1

Сама – с ударением на первом слоге – учился в ПТУ на сварщика. Точной его фамилии Рапай не знал: то ли Самойленко, то ли Самойчук, короче говоря, Сама.

В одном время, как раз после покупки гитары у Пирата, они тесно общались. Сама жил в соседнем подъезде, и часто приходил в гости к Рапая, чтобы изучать боевые приемы самбо. Борцовским ковром им служили обычные половики, прикрытые подушками, чтобы было не больно падать после выполнения бросков. Приемы придумывали сами: захват за шею, бросок через бедро, задняя подножка, передняя подсечка...

Тренировались часами. Сама был парнем идейным. Если что ему в башку втемяшится, никаким «болевым» не выбьешь. А самбо ему было нужно для того, чтобы защищаться от пьяного отца, который, бывало, что и поколачивал. И его, и мать. Иногда и младшей сестренке доставалось. В семье у Рапая такого не водилось. Но он знал, что многие его сверстники страдали от домашнего насилия. Уму-разуму тогда учили просто: ремнем по жопе!

Сама страдал от двойного насилия, от притеснений дома и в ПТУ. Старшекурсники устроили жуткую «дедовщину»: отбирали стипендию, заставляли драить полы в заплесанной мастерской, гоняли за сигаретами и пивом, могли и просто избить не за что, не про что. Знающие пацаны говорили, что даже в детской колонии житуха была полегче.

Устав от головокружительных бросков и смертельных захватов, приятели пили чай со свежесваренной вишней на маленькой кухоньке за деревянным самодельным столиком – отец сам смастерил. Было безумно вкусно!

Потом уже в зале, сидя на обшарпанном диване, чьи потертости были прикрыты дешевым хлопчатобумажным покрывалом, Рапай показывал свои похвальные грамоты и спортивные дипломы.

Вот, один из первых – Диплом первой степени «За первое место в зимнем многоборье за победу в первенстве по легкой атлетике среди групп начальной подготовки». А вот такой же диплом от ДСШ в беге на 300 метров – была такая нетрадиционная дистанция – с результатом 56,7. Его Рапай показал в четвертом классе – это норматив на «отлично» 8 класса.

А вот грамота за рекорд школы в прыжках в высоту – 1 метр 50 см... Хотя нет, этот рекорд Рапай установит немного позже, когда всего за один учебный год ему удастся вырасти сразу на 10 см и он из маленького пацаненка превратится в вполне себе нормального парня. Кто-то из друзей посоветовал записаться на баскетбол, дескать, все время будешь тянуться вверх, к баскетбольному кольцу... Сработало!

Особенно много в спортивной коллекции было дипломов за призовые места в различных футбольных соревнованиях, начиная с дворового турнира «Кожаный мяч» и кончая республиканскими соревнованиями Кубка ЦК ЛКСМ «Надежда».

А сам Рапай большего всего ценил грамоту, в которой от руки было написано: «Самому молодому участнику традиционного Навоийского пробега по улицам города...» Ее он получил три года назад, на Новый год...

Рапай хорошо помнил этот забег. Падая редкий снег и приятно охлаждал разгоряченное лицо. Бегуны взяли резкий старт от главного входа стадиона «Согдиана». Но не пройдя и трети пути, где-то на повороте на проспект Ленина, стали выдыхаться, переходя то на легкую трусцу, а то и вовсе на пеший шаг. Рапай обходил не рассчитавших своих сил спортсменов одного за другим, не прилагая к тому никаких видимых усилий. Для него бежать было так же есте-

ственно, как дышать. Не меняя темпа и не гонясь за рекордом, Рапай вернулся на стадион, даже ни грамма не запыхавшись.

Как потом выяснилось, это был четвертый результат официального городского забега на дистанцию четыре километра!

За четвертое место награды не полагалось. Но главный судья соревнований, удивившись, как быстро и легко такую сложную дистанцию преодолел столь юный бегун, решил грамоту, которая была приготовлена за третье место, вручить Рапаю.

Саму, однако, дипломы и похвальные грамоты Рапая не впечатлили:

– Вам дают эти бумажки, чтобы вы без дела по улицам не шлялись. Вот награды за учебу – это другое дело!

Нашлись награды и за учебу: Благодарность по окончании первого класса и Похвальный лист за «Отличные успехи в учебе, труде и примерное поведение» по окончании шестого. На эти «бумажки» Сама уже взирал с почтением, по-много раз перечитывал, вроде не веря написанному, уважительно цокал языком.

– А сейчас, как учишься?

– Так, – отмахнулся Рапай. – До восьмого класса был «круглым отличником», а потом скучно стало.

– Ну эт ты зря! Чем мяч по полю гонять, лучше учишь, раз способности есть! Вот у меня их нет, я и поперся после восьмилетки в училище. Но ничего, сварщик – тоже нужная в жизни профессия.

Сама был не по годам зрел и рассудителен.

2

На этот раз приятели не тренировались, а сидели на крыше своего четырехэтажного дома и загорали. До знойного саратона было еще далеко и греться под нежными лучами ласкового майского солнышка было одно удовольствие. С крыши до неба было ближе, чем с земли. Задумчиво плыли облака, через дыры в которых проглядывала бездонная синь. О чем-то своем, птичьим, не земном, ворковали голуби в самодельной клетке, обтянутой мелкой железной сеткой. Ни Сама, ни Рапай не были голубятниками, и не обращали на воркующих соседей никакого внимания.

Голубей держал Лёха Мордвин с третьего этажа. Он в отличие от своего старшего брата Казы, худющего наркомана, как-то по-началу больше тянулся к флоре и фауне. Вот разводил голубей, во дворе высаживал зеленные саженцы. А потом загремел на зону вслед за братом по той же статье. Анаша никого до хорошего не доводила, за нее чуть ли не пол-двора срок на зоне тянула.

Отсидев, Лёха вернулся домой весь поникший и разбитый. Жаловался, что долгое время не мог есть – ему вводили в желудок питательные вещества через катетер. Но прежних своих увлечений бывший зек не забыл. На даче отца-фронтовика, который всё время ходил с красным хмурым лицом (видно, стыдно было за сыновей), завел кроликов. «Знаешь, как их жалко бывает резать, жена просит-просит, а я не могу. Махну стакан, только тогда получается. А так – никак», – жаловался он Рапаю.

– А ты знаешь о чем я мечтаю? – нарушил молчание Сама, поправляя газетное сомбреро на голове, солнце – хоть и весеннее, но начинало припекать.

– Расскажи.

– Хочу девчонку нормальную найти, понимаешь? – речь Самы от волнения стала быстрой и сбивчивой. – Ну чтоб всё понимала, да?.. Вот, как мы с тобой тут сидим, загораем, в натуре, ну чтоб с ней тоже так можно было сидеть, чтоб настоящая пацанка была... и верная.

И после некоторой паузы он добавил уже другим задумчивым тоном:

– Я вообще, думаю, это самое главное в жизни – встретить такую девчонку.

Рапай не ожидал от будущего сварщика подобной философии. Облака, что ли, навеяли?

– Есть одна хорошая песня, ты наверняка ее слышал.

Рапаю показалось, что Сама сейчас запоем:

«Тише, люди, ради Бога, тише —

Голуби целуются на крыше».

Тем более, что их пернатые соседи что-то примолкли. Сама фальшиво, но уверенно затянул совсем другое:

«А мне б в девчоночку хорошую влюбиться...»

– Выучи ее на гитаре, классная песня.

– Хорошо, – пообещал Рапай, хотя эту песню не слышал и петь так же, как и его приятель не умел.

Опять замолчали. Солнце жгло все сильнее и сильнее. Так и кожу можно спалить. Но Сама хотел еще что-то сказать, Рапай чувствовал это и терпеливо ждал.

– Ты знаешь Пашку и Золотого с нового микрорайона? – спустился, наконец, с облаков на грешную землю Сама.

– Знаю.

Как же ему их не знать, этих двоюродных братьев! Эти два брата-акробата выступали за одну с Рапаем футбольную команду, и у них даже функции были одинаковые: один правый защитник, другой левый.

– А Рыжего?

– Знал.

Рыжий тоже играл в футбол, причем, играл прилично. Атлетически сложенный парень мог закатать плюху чужому ловиле от вратарской линии собственных ворот. Правда, не на большом поле, а несколько укороченном – 60 метров вместо 100. Оно находилось на площадке между школами 13 и 14. Детские турниры «Кожаного мяча» проводились как раз здесь.

Несмотря на отличные данные, в «Зарафшан» Рыжего не взяли, и на то были серьезные причины. Рыжий «глотал колеса». Он даже с друзьями как-то заявился на хату к Рапая, и Рапай выдал им какие-то таблетки, которые нашел в домашнем шифоньере.

Но загнулся Рыжий от передоза не в тот раз, а месяца через два-три.

– Ты сказал, что знал Рыжего, – переспросил Сама. – А что, теперь не знаешь?

– Он умер.

– Жаль. Рыжий мог бы лучше помочь, ведь он не с нового микрорайона, а вроде с Театральной?

– Да, он там жил.

– А откуда ты их всех знаешь? Ты же не блатной, вон у тебя и грамоты за хорошую учебу имеются.

– Я играю в футбол.

– Ну и че?

– Все блатные тоже играют в футбол.

И это было сущей правдой. В Навои Пеле был не меньшим кумиром, чем в Бразилии. Вся дворовая шпана увлекалась этим суперпопулярным в те годы видом спорта. Не боксом, не становящимся модным самбо. Уличная босота, по воровским понятиям, считала, что остро наточенная фомка эффективнее хука боксера или броска самбиста. И преспокойно отдавалась футболу.

А в этом виде Рапай был корифеем. Сколько себя помнил, столько играл в футбол, поначалу еще тряпочными мячами, а потом кожаными. Турнир «Кожаный мяч» на первенство города среди дворовых команд был чрезвычайно востребован. К его организации подходили очень строго. Для того чтобы не было «подстав» (это когда за младшие команды выступали старшие ребята), перед матчами проверяли метрики – свидетельства о рождении.

Перед финалом прошел слух, что в команде «Больничного городка» есть серьезная «подстава». Организаторы турнира выстроили команды, главный судья строго спросил:

– Кто из вас есть Рапай? – в голосе судьи слышался легкий прибалтийский акцент.

– Ну я, – из строя огромных верзил вышагнул самый маленький, самый малорослый футболист.

– Что?! – судья от изумления едва не проглотил свой свисток. – И вы будете говорить мне, что этот шкет есть «подстава»? Если это и есть «подстава», то «подстава» наоборот. А то правилами не запрещено.

Раздался свисток, игра началась.

Да, Рапай, играл за команду не своей возрастной группы, а более старшей. Попав в «Зарафшан», он тоже оказался там самым младшим воспитанником. А взяли его в команду подготовки мастеров за "бразильскую технику", которую он годами оттачивал на маленьких «футбольных пятачках». Во дворах было тесно, и там играли в свой футбол – «парагвай»...

– Ну теперь ты понял, откуда у меня такие связи, хотя я и не блатной, – объяснил Рапай своему любопытному собеседнику.

– Может, тогда ты и самого Пирата знаешь? Ты ведь говорил, что гитару у него купил, – с надеждой в голосе спросил слегка ошарашенный Сама.

– Нет, с ним близко не знаком. Он в футбол не играет, больше на гитаре. А на кой ляд он тебе сдался?

– Пирата все знают и боятся. Я бы к нему в кореша записался и привел в училище для разборок. Все бы сразу, как шелковые стали.

Прекратить беспредел в ПТУ – было его идей-фикс.

– Я попробую выйти на Пирата через Михася, – не стал убивать надежду Рапай.

– А кто такой Михась, тоже футболист?

– Да.

– Попробуй, а-а...

Столько мольбы и отчаяния было в этом «а-а», что Рапай сказал себе, что в ближайшее время встретится с Михасем, а может, и еще кое с кем. Хотя понимал, что сделать это будет очень трудно.

«А-а, верну обратно гитару Пирату, чтобы он Саме помог, все равно играть не умею», – беспечно в мыслях махнул на свою прежнюю мечту Рапай.

3

Но вернуть гитару Пирату не удалось.

– Рапай! Рапай! – раздался с улицы чей-то зовущий голос.

Рапай вышел на балкон, перед ним стоял Сеня Болос из последнего подъезда, тот самый Сеня, который всегда обо всём знал и чья сестренка была КМС по плаванию. Он и сам был крупным развитым парнем, с широкой костью, в отца пошел, был на полголовы выше Рапая. Но потом с ним случилась мистическая история. Однажды Болос подшучивал над каким-то невзрачным очкариком, кивал Рапаю, мол, гляди какой дохляк. Тот окрысился: "Смотри, как бы самому четырехглазым не стать!" И как в воду ведь глядел. Сеня вскоре простудился, что было немудрено – даже в студеную стужу он бегал в школу в распахнутой рубашке. Причем, заболел тяжело, пошли какие-то осложнения, которые сказались и на печени, и на глазах... И Сеня вынужден был таки нацепить на свой задиристый нос ненавистные ему очки. Он как-то сразу весь сник, а Рапай тем временем догнал его по физическим кондициям.

– Чё орешь, как оглашенный!

– Саму убили...

– Хорош гнать! – Рапай легко перемахнул через перила балкона на улицу, благо, жил на первом этаже и встал рядом с Сеней.

– Ну не совсем убили... Он сейчас в реанимации.

– А ты откуда знаешь?

– Мамка сказала.

Это было, похоже, на правду. Сенина мать работала в больнице Навоийского горно-металлургического комбината – только там было реанимационное отделение – старшей медсестрой.

Кстати, много лет спустя, когда Рапая уже не было в городе, в Навои приезжал с концертами Владимир Высоцкий. И он тоже лежал в той же самой реанимации, что и Сама. И просил что-то там ему вколоть, – об этом тоже рассказывал Сеня, опять ссылаясь на свою мать-медсестру.

Между прочим, отцу Рапая удалось попасть на тот исторический концерт, который проходил в ДК «Фархад». Не по доброй воле, билеты по разнарядке выдали на работе. Высоцкий ему не понравился, «уж больно громко стучит по гитаре».

А с Самой случилось вот что. Через пару дней после разговора на крыше с Рапаяем, когда он появился в училище, «ПТУшные фраера» снова стали «быковать». И Сама один, сокурсники не поддержали, буром попёр на обидчиков. Совсем как у Высоцкого:

Они стояли дружно в ряд, их было восемь.

Саму жестоко избили, но он тоже успел кого-то пырнуть сварочным электродом.

Со мною нож, решил я – что ж,

меня так просто не возьмешь,

Держитесь гады, держитесь гады.

К чему задаром пропадать,

ударил первым я тогда,

Так было надо.

Окровавленного Саму увезли в реанимацию.

Где восемь бед – один ответ,

В тюрьме есть тоже лазарет,

Я там валялся.

Врач резал вдоль и поперек,

Он мне сказал: «Держись браток!»

И я держался.

Потом Рапай долго не видел Саму.

Разлука мигом пронеслась,

Она меня не дождалась...

Эх гитара, моя, гитара!..

Честь Незнакомки

1

Жебу с Костой жили через дом от Рапая в "палубной" пятиэтажке. "Палубной" она называлась потому, что квартиры в доме, как камеры в тюрьме, располагались вдоль длинного палубного балкона-коридора, объединенного лишь двумя крайними подъездами. Но счастливые обитатели первого этажа имели свои крошечные полубалкончики с выходом на свои маленькие земельные участки, которые, как правило, засаживались яблоневыми деревьями.

Рапай, Жебу и Коста сидели, словно куры на насесте, на обшарпанных перилах полуоткрытого подъезда и кудахтали о последних школьных новостях. Последняя новость была страшной, и связана она была с их одноклассником Сивым. Хотя Сивого в 8 "Б" никто за своего одноклассника не принимал. Малого того, что Сивый был второгодником, его еще в конце учебного года перевели в обычную школу напрямую из детской колонии. За что он туда угодил, сам он не распространялся, да никто его об этом и не спрашивал.

С колонистом вообще старались поменьше якшаться. Уже сам вид Сивого отталкивал: короткая арестантская стрижка, лошадиная ухмылка на плоской сильно вытянутой физе, блатная манера говорить, сильно коверкая и растягивая слова... Вел себя Сивый нагло и вызывающе. Дерзил учителям, докапывался до ребят, особенно тех, кто был послабее и не мог дать отпор. Доставалось и девочкам. Любимый прикол залетного шпанёнка был таким. На переменах он сидел в школьном коридоре на подоконнике, лузгал семечки и хищно щуря свои и без того маленькие серые глазки, высматривал подходящую жертву. Сивый останавливал какую-нибудь беззащитную девчущку и нарочито участливым голосом предлагал:

– Хочешь семечками угошу?

Та, лишь только для того, чтобы поскорее отделаться от неприятного собеседника, отвечала:

– Хочу.

– На вот, сама возьми в кармане, а то у меня руки в шелухе. – Сивый сползал на пол, подставляя свой оттопыренный карман.

Ничего не подозревающая девчонка опускала свою чистую невинную ручку в шаровары Сивого, рука куда-то глубоко проваливалась – в кармане была огромная дыра – и наткалась на его... непотребство.

Жертва подлого обмана резко одергивала руку:

– Дурак!!! – и покрываясь красными пятнами стыда и позора, в слезах убегала прочь.

– Гы-гы-гы! – как заправский мерин, гоготал и радовался удавшейся мерзости Сивый.

Однажды, прямо на уроке, долговязый дебил довязался до Настьки Лановой, маленькой, но бойкой девчонки. Рапай, как и другие пацаны, влюблялся поочередно во всех своих симпатичных одноклассниц, от Танчи Азотовой до Василисы Жженовой. Лановая не была исключением, мало кто мог устоять перед ее тугой русой косой... В шестом классе на 23 февраля она подарила Рапаю весьма занимательную книжку "Чудак из 6Б" (была такая традиция в советской школе, когда в "мужские" и "женские" дни мальчики и девочки делали друг другу персональные подарки).

Уже много лет спустя, когда Рапай работал на Всесоюзной комсомольской стройке "Днепр-Донбасс", он вдруг, вспомнив шестой класс, сделал Лановой обратный подарок. Откуда-то прознав, что она училась в Томском политехническом институте, отправил на ее адрес огромный по тем временам денежный перевод (шальные деньги жгли ляжку) в размере

300 рублей – это ее полугодовая стипендия. Без всяких видов и претензий: где Томск, а где Донбасс...

Так вот Сивый стал приставать к Настьке. Однако не на ту нарвался! Сивый балбес специально ронял на пол авторучку и просил Лановую, которая сидела через проход на соседней парте, ее поднять. Настька это сделала только один раз, а потом послала его к черту. Сивый обещал разобраться с ней после уроков, но до "после уроков" он не "дожил". Как только прозвенел звонок на перемену, Рапай, Коста, Жебу, Шмель и Сеня, выпроводив девчонок в коридор и закрыв шваброй двери в класс, приперли вконец оборзевшего "школьного террориста" к исписанной мелом доске.

– Отпусти-те, пацаны! – маленькие глазки бывшего колониста трусливо забежали. – Я же только пошутил, я больше не буду, зуб даю.

Особенно этой победе, которая оказалась на удивление легкой и быстрой, радовался Сеня:

– Будет теперь знать, как к нашим девчонкам приставать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.